

уже названных выше необходимо назвать также работы Ю.А.Данилова, В.Г.Буданова, Г.Г.Малинецкого, С.П.Курдюмова, С.П.Капицы, Д.И.Трубецкова, К.Х.Делокарова, И.С.Добронравовой, В.Э.Войцеховича, Д.С.Чернавского, В.С.Егорова, А.П.Назаретяна, Я.И.Свирского, В.В.Тарасенко, Е.Н.Князевой, В.П.Бранского, Р.Г.Баранцева, М.А.Басина, С.В.Харитонова, Ю.К.Крылова, Г.И.Рузавина, В.А.Шупера и др.

Важной вехой на пути к философско-междисциплинарному осмыслению синергетики как коллективному самоорганизующемуся процессу явился состоявшийся в 1996 году Московский Синергетический Форум, в работе которого приняли участие такие видные западные специалисты в области коэволюционной креативной коммуникации, как М.Темпчик, Э.Ласло, К.Майнцер, Г.Шефер, Дж.Николис, Г.Бюржель, Ф.Вукетич, З.Санатани, В.Басиос, И.Антониу.

Кроме того, процесс философского самоопределения синергетики уже вследствие ее собственной междисциплинарной специфики и открытости контексту культуры не может быть изолирован от разработки общих вопросов философии науки и техники, а также от разработки теоретико-познавательных проблем. Поэтому для философского самоопределения синергетики принципиальное значение имеют также те работы в области философии науки вообще и физики в частности, которые ориентировались на деятельностный подход к анализу природы научного знания; руководствовались пониманием, в рамках которого в должной мере учитывалась «диалоговая» кольцевая природа взаимодействия теории и эксперимента в процессе развития научного познания. Я имею в виду работы И.С.Акчурина, И.С.Алексеева, А.И.Алешина, А.А.Ахутина, А.А.Воронина, М.А.Розова, В.А.Лекторского, В.С.Швырева, И.П.Меркулова, В.Н.Садовского, В.Л.Рабиновича, В.М.Розина, Л.А.Микешиной, В.В.Налимова, М.К.Петрова, П.П.Гайденко, В.С.Степина, С.С.Хоружего, Ф.И.Гиренка, Б.Г.Юдина, В.П.Филатова, В.Н.Поруса. Стимулирующее воздействие оказали также работы в области философских вопросов физики, биологии, математики и техники. В их числе исследования Г.Б.Жданова, А.Г.Барабашева, В.А.Бажанова, Л.Б.Баженова, А.А.Воронина, Е.А.Мамчур, Ю.В.Сачкова, Р.С.Карпинской, А.П.Огурцова, И.К.Лисеева, С.Илларионова, В.Г.Горохова, А.И.Панченко, М.И.Панова, А.А.Печенкина, Б.И.Пружинина и многих других авторов.

Однако диалог философии науки и синергетики находится пока что в начальной стадии и нуждается в придании ему нового качества междисциплинарности. Это особенно важно в связи со все более широким использованием представлений и образов синергетики в современном социогуманитарном знании (В.В.Василькова, К.Х.Делокаров, Ф.Д.Демидов), а также, что не менее важно, в связи с происходящим сейчас в научном познании «антропологическим поворотом» (С.С.Хоружий).

- В предлагаемой вниманию читателя книге я по возможности пытался дать свое представление синергетики так, как оно сложилось у меня в многочисленных интересубъективных взаимодействиях последних лет (непосредственных или опосредованных разного рода текстами). Возможно, это представление не во всем совпадает с уже сформировавшимся ее восприятием как новой универсальной трансдисциплинарной науки, обещающей дать рецепты того, как малыми воздействиями получить большие результаты. Например, вывести Россию из кризиса путем прекращения пути ее развития с «плохого» аттрактора на «хороший».

Я не хотел бы категорично утверждать, что синергетике грозит реальная опасность стать еще одним источником разного рода технократических утопий и основанных на них социальных проектов очередного переустройства общества (на этот раз уже синергетического). Для самой синергетики, уже в силу внутренней логики ее развития как феномена постнеклассической науки, характерен как раз отказ от всякого рода универсалистских притязаний как иллюзий (И.Пригожин), порождаемых следованию классическому способу мышления, которое синергетикой не отрицается, но существенно ограничивается.

Именно такое, в известном смысле прагматизированное понимание синергетики, я и пытаюсь представить на страницах этой книги.

ГЛАВА I

СИНЕРГЕТИКА КАК КОММУНИКАЦИЯ

1. Личностное знание: самоинтерпретация гештальта

«Что такое синергетика?» — так называлась ставшая теперь классической статья Ю.А.Данилова и Б.Б.Кадомцева, написанная почти 20 лет назад. Но и сегодня вопрос «что такое синергетика?» звучит интригующе. И сегодня мы, поразмыслив, склонны согласиться с предложенным тогда авторами нестандартным, постнеклассическим, как сказали бы мы сейчас, определением синергетики как наилучшим из всех до сих пор предложенных [59].

Сославшись на Мандельштама, начинавшего свои знаменитые «Лекции по теории колебаний» словами о ненужности и бесплодности стремления к точным определениям в контексте проблем нелинейной теории колебаний, Данилов и Кадомцев «определили» синергетику как одно из, возможно далеко не единственное, значений X некоторой «X-науки», понимая под последней «пока еще не установившееся название еще не сложившегося научного направления, занимающегося исследованием процессов самоорганизации и образования, поддержания и распада структур в системах самой разной природы (физических, химических, биологических и т.д.)».

Способ определения синергетики как задаваемого контекстом открытого вопроса, контекстом, с самого начала ориентированного на диалог, был, несомненно, блестящей находкой авторов. Сейчас все более отчетливо видно, что именно этот способ наиболее «конгруэнтен» стилю присущего синергетике нелинейного мышления, характерному для нее «циркулярному отношению к предмету» (Н.Луман) [80, 217], а также, что принципиально важно, — той «автопоэтической реальности» (Варела, Матурана) [233, 235, 221], которая синергетикой порождается. Здесь уместно сослаться на известную гравюру голландского художника Мориса Эшера «Рисующие руки», на которой изоб-

ражены руки, рисующие друг друга таким образом, что начало процесса неизвестно, так что вопрос о том, какая рука более реальна, не имеет смысла.

Имеет смысл подробнее остановиться на контексте определения синергетики. Вначале, до «точки бифуркации», мы следуем по пути Данилова и Кадомцева, отмечая его, как это и принято, традиционными кавычками. «Что означает «синергетика»? Синергетика — лишь одно из возможных, но далеко не единственное значение Х. Термин «синергетика» происходит от греческого «синергейя» — содействие, сотрудничество. Предложенный Г.Хакеном термин акцентирует внимание на согласованности взаимодействия частей при образовании структуры как целого...». Однако «большинство существующих ныне учебников, справочников и словарей обходят неологизм Хакена молчанием. Заглянув в энциклопедии последних изданий, мы с вероятностью близкой к единице обнаружим в них не синергетику, а «синергизм». «Фигура умолчания», — еще раз подчеркивают авторы, — объясняется не только новизной термина «синергетика», но и тем, что Х-наука, занимающаяся изучением процессов самоорганизации, возникновения, поддержания, устойчивости и распада структур самой различной природы, еще далека от завершения и единой общепринятой терминологии (в том числе и единого названия всей теории) пока не существует» [60].

Авторы видят тому по крайней мере две причины. Во-первых, это «темпы развития новой области, переживающей период «бури и натиска». Они таковы, что «не оставляют времени на унификацию понятий и приведение в стройную систему всей суммы накопленных фактов...». И во-вторых, исследования новой области, ввиду ее специфики, «ведутся силами и средствами многих современных наук, каждая из которых обладает собственными ей методами и сложившейся терминологией. Параллелизм и разнобой в терминологии и системах основных понятий в значительной мере обусловлены также различием в подходе и взглядах отдельных научных школ и направлений и в акцентировании ими различных аспектов сложного многообразного процесса самоорганизации».

Здесь, в порядке комментария, с позиции «20 лет спустя», стоит заметить, что и сейчас синергетика далеко не всегда присутствует в очередных последних изданиях энциклопедий и справочников, хотя говорить о том, что сам термин «синергетика»

нов, уже вроде бы не приходится, поскольку прошло вполне достаточно времени для того, чтобы «унифицировать понятия и привести в систему всю сумму накопленных фактов».

Думается, что плюрализм, многоликость синергетики есть неотъемлемая ее особенность, причем особенность вовсе не временная и преходящая, обусловленная лишь тем, что синергетика становится. Ее многоликость – свойство самой науки эпохи постмодерна, науки, находящейся на постнеклассическом этапе своего развития. Ее многоликость обусловлена многоликостью вовлеченных в познание процессов самоорганизации отдельных школ, направлений и дисциплин. Конечно, сложность познавательной ситуации вызывает напряжение, надежду и ожидания на ее упрощение на основе нахождения неких фундаментальных унифицирующих принципов.

При этом такие ожидания явно или неявно проистекают из веры в возможность становления некоей парадигмы «внешнего наблюдателя», или точнее, метанаблюдателя. Однако именно такая возможность самой синергетикой в принципе отвергается. Именно этот тезис я и буду далее во всех его вариантах и оттенках обосновывать.

Вообще говоря, это не означает, что в синергетике находит свое новое оправдание релятивизм. Она оправдывает разнообразие научных направлений, научных теорий, моделей, подходов, стимулирует отход от такого видения проблемы, в соответствии с которым разнообразие моделей, теорий, подходов рассматривается как нечто негативное и подрывающее науку как единое целое.

Более того, синергетика переоткрывает заново (переоткрытие вообще одна из характерных ее особенностей) свойственное развитию науки на всех этапах ее исторической эволюции разнообразие. Как подчеркивает известный современный философ науки Ян Хакинг, «начиная с 1840 года каждый год только в каждодневной физической практике используется больше (несовместимых) моделей явлений, чем их использовалось в предыдущем году». И далее он делает парадоксальный на первый взгляд вывод: «Идеальной целью науки является не единство, а величайшая множественность» [158].

В некотором смысле, который, как я надеюсь, будет ясен из последующего изложения, синергетика находится «по ту сторону» традиционных дихотомий, в частности таких, как дихотомия «относительное-абсолютное», «внешнее-внутреннее», «ес-

тественное-искусственное». Этот перечень будет пополнен и рассмотрен подробнее в дальнейших разделах работы. Пока же отметим, что синергетика, оправдывая множественность, вовсе не против единства науки. Более того, она выступает в качестве претендента на роль интегратора естественнонаучного и социогуманитарного знания. В самом деле, синергетика осознается как междисциплинарное направление.

Вот что пишут по этому поводу Данилов и Кадомцев: «В отличие от большинства новых наук, возникавших, как правило, на стыке двух ранее существовавших и характеризовавшихся проникновением метода одной науки в предмет другой, X-наука возникает, опираясь не на граничные, а на внутренние точки различных наук, с которыми она имеет ненулевые пересечения: в изучаемых X-наукой системах, режимах и состояниях физик, биолог, химик и математик видят свой материал, и каждый из них, применяя методы своей науки, обогащает общий запас идей и методов X-науки» [60].

Таким образом, синергетика — наука, где «контактная» сфера деятельности — контакты разных дисциплин. Но это звучит немного загадочно. В самом деле, что мы можем сказать об этих контактах, областях «ненулевого пересечения»? Кажется ясным, что сформулированный в таком виде вопрос требует уточнения, контекстуализации. И уточнения прежде всего в отношении той позиции, из которой он задается. Очевидно, что физик, биолог, химик и математик действительно видят «свой материал», видят с точки зрения своей дисциплины, под углом присущего ей подхода, ее концептуальной перспективы. Здесь уместны и такие выражения, как «горизонт», «парадигма» и т.д. Очевидно также, что это видение есть динамически стабильный процесс, и опирается он на достаточно устойчивое интерсубъективное согласие. Кроме того, это видение селективно, определено целостным набором предпосылок, установок, ценностных норм, наконец используемым языком.

В то же время, нам трудно уйти от признания того факта, что это видение имеет одновременно и глубоко личностный характер и опирается, как это убедительно показал М. Полани, на молчаливое, неартикулированное, неявное знание [117]. Перечисленные выше фигуры физика, биолога, химика, математика — список можно продолжить вплоть до фигуры социолога и философа — это не просто по-разному названные субъекты познавательной деятельности, имеющей общее название «наука». Это

субъекты, лично вовлеченные в тот социокультурный исторический процесс, который наукой называется. Я пока воздержусь от разговора о том, что наукой называется, а что нет. Проблема демаркации границ науки, конечно, важна, но не сама по себе, а всегда под углом вопроса, для чего и во имя чего она становится. То же самое касается и междисциплинарных границ на всех уровнях, включая границу между естествознанием как наукой о природе и знанием гуманитарным. Достаточно вспомнить об осуществленном еще в 1912 году Виндельбантом жестком разграничении наук на номотетические (естественные) и идеографические (гуманитарные). Или об аналогичных попытках разграничить науки о живом – биологические – от наук неорганических, прежде всего физических.

Я вернусь к Полани, который для меня является во всех отношениях знаковой ключевой фигурой в той части современной философии науки, которая ориентирована непосредственно на синергетику и переоткрывается ею заново в новом диалоге. В данном случае мой интерес к Полани обусловлен также и тем, что сейчас в более широких междисциплинарных рамках, которые потенциально включают в себя как естественнонаучное, так и социогуманитарное знание, личностное знание Полани конституирует ту «срединную» познавательную позицию, которая имплицитно или, точнее, когерентно ей предполагается синергетикой. Дальше в основном тексте настоящей работы я буду возвращаться к Полани неоднократно. Здесь же, в круге рассуждений, имеющих своей целью обрисовать главные особенности топологии познавательного синергетически ориентированного дискурса, я ограничусь общей характеристикой личностной позиции в познавательном процессе в контексте ее отличия от позиции субъективной, как это понимается Полани [117].

2. Личностное знание Полани как позиция синергетики

Встреча с Полани представляется мной посредством обширного цитирования текста с некоторыми комментариями минимального характера его книги (Личностное знание. М., 1985). Не могу не заметить, что вследствие тех идеологических условий, которые существовали в то время, книга вышла с изъятиями, в неполном виде. Да и перевод не во всех отношениях был безупречным. Поэтому я, обращаясь к Полани, буду иногда пользо-

ваться английским текстом. Однако слово — М.Полани. «Я верю, что призван искать истину и утверждать найденное мною, несмотря на весь связанный с этим риск. Эта сентенция, кратко суммирующая мою фидуциарную программу, выражает то основное убеждение, которым я считаю себя обязанным руководствоваться. Но если так, то утверждение данной сентенции должно согласовываться с ее содержанием, практически воплощая то, к чему это содержание обязывает» [117].

И дело действительно так и обстоит. Ведь произнося эту сентенцию, я одновременно и говорю о том, что я обязуюсь совершать посредством мысли и речи, и совершаю это. Всякое исследование в области наших фундаментальных верований и убеждений может быть непротиворечивым лишь в том случае, если оно предполагает свои собственные выводы. Такое исследование по самому своему смыслу должно содержать в себе логический круг.

И это последнее высказывание само может служить примером того действия, которое оно узаконивает. Ибо оно очерчивает основание моего рассуждения, опираясь при этом на эти же самые основания. Мое допущение логического круга и доверие к этому допущению могут быть оправданы лишь убежденностью, что в той мере, в которой я выразил свое чувство интеллектуальной ответственности в качестве моей личностной веры, в той же мере я могу быть уверен, что выполнил фундаментальные требования самокритицизма; убежденностью, что я действительно обязан сформировать такие личностные верования и могу с полным правом и ответственностью их придерживаться, даже если я вижу единственное оправдание такого в том, что на той же основе, что и утверждаемые им факты, говоря логически, вся моя аргументация есть не что иное, как разработка этого круга. Это систематический курс обучения самого себя быть верным своим убеждениям» [117].

Прервем затянувшееся цитирование. Зафиксируем важные для нас особенности подхода к науке Полани, той позиции, которую он выстраивает. Это, во-первых, позиция самообучения вере, как вере самому себе. Это, если угодно, технология собственной самоорганизации личности ученого, пребывающего в науке, делающего эту науку, находящего путь к себе через посредство науки, обретающего уверенность в преодолении сомнений и т.д. В данном случае просматриваются глубокие па-

раллели с концепцией самоактуализирующейся личности А. Маслоу; параллели, кстати говоря, признававшиеся как Полани, так и Маслоу [90]. Но об этом в другом месте.

Итак, личностная позиция — это позиция человека, взрастившего в себе веру (не обязательно религиозную), веру в себя, но не самоуверенного, а открытого миру, себе и другим. Логический круг, в таком случае, есть просто одна из проекций на плоскость логики, его пути обретения себя, своей бытийной устойчивости. Но ведь мы хорошо знаем и о так называемых порочных логических кругах. Мы хорошо знаем о том, что логика (то есть логики) на протяжении веков напряженно боролась с этими кругами, затрачивали много сил для их обнаружения и исключения из практики научного дискурса.

Зададимся наивным вопросом: а зачем, почему это делается? По-видимому потому, что логический круг отождествлялся с «топтанием на месте», он ни к чему не вел, кроме, если трактовать проблему медико-психологически, к патологии психической или шизофрении. То же касается и логического противоречия, которое, однако, в образе фазового портрета динамической системы, такой, как, скажем, регулятор холодильника, (пример Грегори Бэйтсона — кибернетический эквивалент логики) представляет собой колебания.

Но если логический круг — это только проекция (причем одна из проекций) на пути «обретения себя, но никоим образом не топтания на месте». Таким образом, личностная позиция многомерна. А ее логический круг — знак-символ ее устойчивости и, одновременно, — динамичности. Но все эти рассуждения осмысленны, только если мы располагаем критериями различения ситуаций замыкания логического круга в качестве познавательного и, более того, экзистенциально значимого события, возвращения к тому же самому.

Личностная позиция саморганизованна и динамична. А ее существование в качестве таковой предполагает, помимо прочего, знание навыков саморазвития и умения пользоваться ими, навыков внутреннего мастерства, сопрягаемого с мастерством, профессионально проявляемым внешне в искусстве Мастера. В самом начале (Предисловии) к своей книге «Личностное знание» Полани пишет: «Может показаться, что эти два слова - Личностное и Знание — противоречат друг другу: ведь подлинное знание считается безличным, всеобщим, объективным. Но это кажущееся противоречие разрешается иной трактовкой самого понятия «знание» [117].

Главным ключом для пересмотра этого понятия стали для меня открытия гештальтпсихологии. Я хочу по-своему развить применение понятия «гештальт». Для меня знание — это активное постижение познаваемых вещей, действие, требующее особого искусства. Акт познания осуществляется посредством упорядочения ряда предметов, которые используются и как инструменты или ориентиры, и оформления их в искусный результат, теоретический или практический. Можно сказать, что в этом случае наше осознание этих предметов является «периферическим» по отношению к главному «фокусу осознания той целостности, которой мы достигаем в результате...».

Теперь я перейду от представленной в цитате «Я-позиции-Полани» к моей собственной «Я-позиции». Естественно, я не могу пока ее представить полностью. Весь текст и должен явиться таким представлением. Но некоторую интенцию, векторность ее я, надеюсь, уже могу обозначить здесь и теперь. Именно, следуя Полани, но не только Полани, я хочу развить далее понятие гештальт, придав ему коммуникативное измерение, с одной стороны, и автопоэтическое — с другой. В этом, если говорить кратко, и состоит то, что я называю феноменом синергетики в постнеклассической науке и культуре постмодерна.

Можно также сказать и о коммуникативной интерпретации понятия гештальт. С одной, однако, оговоркой. Интерпретация понятия — это так или иначе, но всегда интерпретация, которая зависит от контекста, целей и т.д. Даже использование термина «понятие гештальт» предполагает некую интенцию интерпретации. Именно понимание гештальта скорее как вещи, как статичной заданной структуры, но не как процесса. Вообще говоря, эта интерпретация всегда «философски нагружена». Так первоначальное открытие феномена гештальта немецкими психологами (Кафка, Вертгаймер) как динамической самоорганизующейся целостности структуры поля зрительного восприятия, получило впоследствии вполне стерильную позитивистскую и физикалистскую редукционистскую интерпретацию, что в значительной мере ограничило те большие эвристические возможности, которые это открытие тогда в себе потенциально содержало. Лишь в 50-х годах эти возможности были первоначально использованы в гештальт-терапии Фрица Перлза как альтернативы психоанализу Фрейда, и в философии науки Полаяни как альтернативы «ложному идеалу научной беспристрастности».